

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).027(093)

ВОСПРИЯТИЕ СВОБОДЫ/НЕСВОБОДЫ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ

*Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва*

e-mail: viddanin@mail.ru

Современное сугубо положительное восприятие концепта *свобода* сформировалось относительно недавно. Даже в начале XX в. в нем еще ясно прослеживались остаточные негативные коннотации. Обращение к древнерусским источникам домонгольского периода подтверждает такое впечатление. Человек, освободившийся от внешнего принуждения, в Древней Руси рассматривался, скорее, как человек *несчастный*. И напротив, ситуация, когда человек становится *холопом* (по существу, рабом), рассматривается даже им самим как сугубо положительная. При этом позитивные коннотации восприятия несвободы тесно связаны со статусом лица, от которого зависит данный субъект: чем выше социальное положение этого лица, тем лучше. Крайняя степень несвободы — раб Божий — сугубо положительна. Свободное же состояние характеризовалось, скорее, отрицательными ассоциациями.

Ключевые слова: свобода, зависимость, восприятие, счастье, несчастье, Древняя Русь.

Сравнивая современные культуроспецифичные концепты *свобода*, *freedom* и *liberty* с латинским *libertas*, А. Вежбицкая пришла к следующему выводу: «...Латинский концепт сосредоточен на отсутствии хозяина (на том, что ты не раб), тогда как русский концепт сосредоточен на отсутствии ощущения какого-либо внешнего принуждения. Соответствующий английский концепт сосредоточен... на выборе и на отсутствии вмешательства со стороны других людей»¹. При этом подчеркивается, что «русский концепт *свобода*, развивавшийся в историческом контексте, весьма отличном от контекста Англии или Рима..., предполагает приятное отсутствие ограничений какого бы то ни было рода»². По предположению А. Вежбицкой, «*свобода*, в отличие от *freedom*, может рассматриваться как нечто такое, что произвольным образом дано другим лицом», при этом «семантический профиль слова *свобода* можно связать с политической историей России: деспотизм царей, отсутствие демократических структур или действенной правовой си-

¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 456.

² Там же. С. 460.

стемы, в равной степени относящейся ко всем, значение произвольно осуществляемой власти и желание ускользнуть от этой власти и т.д.»³

Однако все эти концепты исторически изменчивы. Современное значение понятия *свобода* — с его сугубо положительным восприятием — сформировалось относительно недавно. Так, в начале XX в. в этом концепте, судя по всему, еще ясно прослеживались остаточные негативные коннотации (достаточно вспомнить реплику Фирса из второго акта чеховского «Вишневого сада» /1903/, который характеризует *свободу/волю* как *несчастье*). Выход из крепостного состояния, судя по всему, многими крепостными был воспринят именно так: они теряли свой прежний социальный статус, не приобретая нового, становились маргиналами, не имевшими определенного места в жизни, — а следовательно, и гарантированных средств к существованию.

Обращение к древнерусским источникам домонгольского периода подтверждает такое впечатление. Само слово *свобода* используется здесь крайне редко. Так, на всем протяжении Повести временных лет (1113-1118) оно лишь трижды встречается в Ипатьевской и однажды в Лаврентьевской летописи — и исключительно в библейских цитатах. Характерно, что в Лаврентьевской летописи оборот *свободихомся от греха* в Послании к Римлянам, из которого он позаимствован, имеет продолжение, не упомянутое, но очевидно, подразумеваемое летописцем: «Но ныне, когда вы освободились от греха *и стали рабами Богу...*» (Рим 6 22)⁴. Редко встречается оно и в древнерусских законодательных источниках. Так, в Пространной Русской Правде (XII в.) термин *свобода* упомянут всего трижды⁵.

При этом, человек, освободившийся от внешнего принуждения, в Древней Руси рассматривался, скорее, как человек *несчастный*. Термин *изгой*, обозначающий субъекта, утратившего связи со своей социальной группой, имеет в древнерусских памятниках явно негативные коннотации. И напротив, ситуация, когда человек становится *холопом* (по существу, рабом), рассматривается им самим — вопреки нашим ожиданиям — как сугубо положительная.

Яркие примеры такого отношения к зависимому положению мы находим в Моление Даниила Заточника (конец XII — начало XIII в.).

Прежде всего, ясно, что автор оценивает свое нынешнее положение как «нищету» и, возможно (если учитывать любовь создателя «Слова» к каламбурам), «художество»⁶. Судя по контексту уже первых строк, Даниил сетует на то, что «ест пепел, как хлеб», пи-

³ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 458 (со ссылкой на: Wittfogel K. Oriental despotism: A comparative study of total power. New Haven: Yale University Press, 1963; Федотов Г. Россия и свобода: Сб. статей. New York: Chalidze; Соловьев В. Собрание сочинений: В 14 т. СПб: Просвещение; Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1966-1970).

⁴ «Нынѣ же, свободышеса шт грѣха, порабоышеса Богови» (Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе: В 10 т. Т. 8. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1992. С. 179).

⁵ «Продасть ли господинъ закупа обель, то наимиту свобода во всѣхъ кунахъ» (ст. 61 — Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. Т. 1: Тексты. М.; Л., 1940. С. 111, 130, 156, 173, 194, 223, 254, 287, 308, 335, 382, 430, 431); «Аже будутъ робы дѣти у мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ смертию» (ст. 98 — там же. С. 115, 132, 160, 176, 198, 227, 259, 272, 290, 313, 338, 359, 386, 446, 447); «А се уроци ротнии: от головы 30 кунь, а от бортноѣ земли 30 кунь бес трии кунь, тако же и от ролейноѣ земли, а от свободы 9 кунь» (ст. 109 — там же. С. 116, 129, 162, 177, 229, 260, 291, 314, 339, 388, 450, 451). Кроме того, в Русской Правде упоминаются «свободные люди» (ст. 87 — там же. С. 114, 132, 159, 175, 196, 226, 257, 289, 311, 337, 358, 385, 440, 441) и «свободный муж» (ст. 17 — там же. С. 71, 80, 398; ст. 37 — там же. С. 107, 125, 152, 170, 189, 219, 249, 269, 284, 304, 332, 350, 375, 416, 417; ст. 62 — там же. С. 111, 130, 156, 173, 194, 224, 254, 287, 308, 335, 355, 382, 430, 431; ст. 65 — там же. С. 112, 131, 157, 173, 194, 224, 254, 287, 309, 335, 356, 382, 430, 431; ст. 66 — там же. С. 112, 128, 157, 174, 195, 224, 255, 288, 309, 335, 356, 382, 432, 433; ст. 121 — там же. С. 117, 133, 163, 178, 200, 230, 262, 272, 292, 315, 340, 361, 389, 456, 457).

⁶ В исторических словарях русского языка это слово определяется как поступки, действия (Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981. С. 218-219); худые дела (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1416); искусная, убедительная речь, ловкое оболъщение, искусство, мастерство, ремесло; знание, искусство, умение; хитрость, обман (Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1998. Т. 2. С. 797). Однако в данном случае речь, скорее всего, все-таки идет о нынешнем — худом, крайне плохом — положении автора: «Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего» (Л.В. Соколова переводит *художество* как *убожество*).

тье его «растворено слезами», он «низвержен»⁷. К нему — «как разбойник» — пришли бедность и нужда⁸. Создается впечатление, что из-за какого-то конфликта, в котором он сам был повинен (возможно, по собственному нерадению) и в котором раскаивается, Даниил был изгнан и теперь вынужден скитаться из дома в дом в «земле чужой».

При этом Даниил довольно четко описывает, что именно в своей жизни он считает несчастьем:

- прежде всего, это то, что характеризуется словом *нищета* («вопию к тобѣ, одержимъ нищетою»⁹, «княже мои, господине! избави мя от нищеты сея»¹⁰, «лѣпше смерть, ниже продолженъ животъ в нищети»¹¹);

- что он понимает под нищетою, можно «реконструировать» (точнее, догадываться) на основании некоторых образов, которыми оперирует автор: «егда веселишия многими брашны, а мене помяни, *сук хлѣбъ ядуца*; или пиеси слаткое питие, а менѣ помяни, *теплу воду пьюще, праха нападша от мѣста незавѣтрена*¹²; егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ под собольими одѣялы, а менѣ помяни, *под единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми яко стрѣлами сердце пронизающе*»¹³ — картина, согласитесь, довольно впечатляющая;

- следствием и составной частью *нищеты* является то, что наш персонаж вынужден терпеть многие обиды: «азъ бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застѣнии, на нюже ни солнце сияеть, ни дождь идет; тако и азъ всѣми обидимъ есмь»¹⁴, «азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнози бо посѣкають его и на огонь мечють: тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь»¹⁵, причем, видимо, наибольшие нравственные страдания доставляют ему обиды, исходящие от близких людей («Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставихъ предъ ними трепезы многообразныхъ брашень»¹⁶. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются¹⁷ и паки помагающе подразити нози мои¹⁸; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся»¹⁹), — из этого следовал горький вывод: «тѣмъ же не

⁷ «И бысть умъ мой — аки ночный вранъ на нырици, забдѣхъ» (ср.: «Я стал как филин на развалинах; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле. Всякий день поносят меня враги мои, и злобствующие на меня кланут мною. Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами, от гнева Твоего и негодования Твоего, ибо Ты вознес меня и низверг меня» — Пс 101 7–11).

⁸ «Се же бѣ написахъ, бѣжа от лица художества моего» (ср.: «Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты встанешь от сна твоего? Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник. Если же будешь не ленив, то, как источник, придет жатва твоя; скудость же далеко убежит от тебя» — Притч 6 9–11).

⁹ А: 12.

¹⁰ А: 14.

¹¹ А: 11.

¹² Ср.: «Насыштяся многосластьнааго пития, помяни пиюштааго теплоу воду, отъ слънца въстопѣвшю, и тоу же пороха нападъшю отъ мѣста незавѣтрена» (Изборник 1076 года / изд. подг. М.С. Мущинская, Е.А. Мишина, В.С. Гольшпенко; под ред. А.М. Молдована. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. 1. С. 237).

¹³ А: 20 (исправлено по Т). Ср.: «Сѣдящю ти надъ многообразичною тряпезою, помяни соухъ хлѣбъ ядоуштааго и не могоуштааго си воды принести, недоуга ради... Насыштяся многосластьнааго пития, помяни пиюштааго теплоу воду, отъ слънца въстопѣвшю и тоу же пороха нападъшю, отъ мѣста незавѣтрена» (Изборник 1076 года. С. 235–236, 237).

¹⁴ А: 7.

¹⁵ А: 15. Ср.: «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф 3 10, 7 19; Лк 3 9).

¹⁶ Ср.: «Бывает другом участник в трапезе, и не останется с тобою в день скорби твоей» (Сир 6 10).

¹⁷ Ср.: «Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня» (Мф 26 23).

¹⁸ Ср.: «Когда пошатнется богатый, он поддерживается друзьями; а когда упадет бедный, то отталкивается и друзьями» (Сир 13 25).

¹⁹ Ср.: «Устами своими враг усладит тебя, но в сердце своем замышляет ввергнуть тебя в яму: глазами своими враг будет плакать, а когда найдет случай, не насытится кровью» (Сир 12 15).

ими другу вѣры, ни надѣйся на брата²⁰»²¹;

- при ближайшем рассмотрении оказывается, что, по мнению Даниила, источник всех этих несчастий — один: отсутствие княжеской *грозы*, направленной против тех, кто сегодня обижает Даниила («зана оградим есмь страхом грозы твоеа, аки оградомъ твердымъ»²², «зана ограженъ есмь страхом грозы твоеа»²³); это — главная милость, которую может оказать князь нашему *нищему*; ее тот, видимо, по своей вине лишился и теперь, во что бы то ни стало, хочет получить вновь («помилуй мя, сыне великаго царя Владимира, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего»²⁴).

Остро переживая состояние несчастья, Даниил формулирует собственные представления о счастье. В основу рассуждений на эту тему он, видимо, кладет общепринятые «сценарии» счастливой жизни. Их оказывается не так уж много, поначалу всего два: 1) служба у князя; 2) счастливая женитьба — «у богата тестя чти [чести — И.Д.] дѣля: а ту пей и яжь»²⁵. Чуть позже (в первой половине XIII в., в так называемом «Молении») к ним добавляются еще два: 3) уход в монастырь и, наконец, 4) служба у боярина. Однако все они — за исключением первого — для Даниила суть *несчастье*. Собственно, едва ли не все «Слово» сводится к своеобразному объяснению, почему это так.

Наиболее краток Даниил в определении того, почему служба у боярина для него — тоже *несчастье*:

«лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоємъ, нежели в черленѣ сапозѣ в боярстем дворѣ; лучше бы ми в дерюзе служити тебѣ, нежели в багрянице в боярстемъ дворѣ»²⁶; «лучше бы ми вода пити в дому твоєм, нежели пити мед в боярстем дворѣ; луче бы ми воробей испечен приимати от руки твоея²⁷, нежели плеча борания от руки злых злых государь»²⁸.

Точнее, он даже не пытается этого объяснить. Видимо, для него и для потенциального читателя «Моления» и так все ясно. Разгадка, кажется, кроется в том, что у боярина явно недостает «грозы», коей в избытке владеет князь:

«Кормникъ глава кораблю, а ты, княже, людемъ своимъ. Видех полцы без добра князя и рѣкох: велик звѣр, а главы не имѣть. Мужи глава женамъ, а мужем князь, а князю Богъ»²⁹;

«Вода мати рыбам, а ты, княже, людем своимъ»³⁰.

Показательно и то, что во всех пассажах о князе, «пародирующих» Священное Писание, слово «князь» обычно замещает первоначальные «Господь», «Бог»...

Что же касается статуса «боярина», который явно не удовлетворяет Даниила, то он, видимо, косвенно определяется следующим словом следующей «мирской притчи»:

«Глаголет бо ся в мирских притчах: “ни птица во птицах сычь; не скот въ скотех коза; ни в звѣрех звѣрь еж; ни рыба в рыбах ракъ; **не холоп в холопех,**

²⁰ Ср.: «Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля» (Мих 7 5).

²¹ А: 10 (исправлено по Т).

²² У: 12.

²³ Ч: 12.

²⁴ А: 12. Ср.: «Посему изреки пророчество, сын человеческий, и скажи Гогу: так говорит Господь Бог: не так ли? в тот день, когда народ Мой Израиль будет жить безопасно, ты узнаешь это; и пойдешь с места твоего, от пределов севера, ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное. И поднимешься на народ Мой, на Израиля, как туча, чтобы покрыть землю: это будет в последние дни, и Я приведу тебя на землю Мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я над тобою, Гог, явлено святость Мою пред глазами их» (Иез 38 14-16).

²⁵ А: 37 (исправлено по Т).

²⁶ Ч: 36.

²⁷ Вот оно, казалось бы, несчастье — печеный воробей на обед!

²⁸ У: 29.

²⁹ У: 20.

³⁰ У: 24.

кто у холопа работает; не муж в мужехъ, котории жены слушает»³¹...

Боярин сам является княжеским холопом. Это уже не боярин Киевской Руси, не старший дружинник. Он — высокопоставленный представитель княжеского «двора», «служебной организации». Как определяют В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов, «слуга мог приобретать большую власть и собственные владения, но по отношению к слуге господин имел всегда принципиально больше прав, чем к вассалу. <...> Министерялы [слуги] пользовались по закону правом иметь собственность, но это право было ограниченным. «Закон рассматривал их не как государственных подданных или вассалов, а как людей, принадлежавших частному лицу и составляющих предмет его владения»³²»³³.

Принципиально важным для нашей темы является то, что составитель «Слова» вполне определенно указывает потенциальные *источники* счастья и несчастья. В этом отношении, пожалуй, самое удивительное заключается в том, что практически единственным источником счастья, если строго следовать тексту, может являться князь (если, конечно, исключить Стоящего над ним). Только он — гарант того, что (со всей условностью) Даниил *мог бы* назвать счастьем. Отсюда следует вывод: единственное *счастлирое* состояние, которое может представить себе создатель «Слова» и, тем более «Моления», — *холопское* состояние.

При этом, естественно, было бы неверно полагать, будто в данном случае речь идет о холопах-рабах Русской Правды. Сам статус холопа конца XIII в. принципиально отличен — в глазах современников — от обельных холопов начала XII в. По словам А.Л. Юрганова, «в слове “холоп” для русского средневекового человека не было ничего оскорбительного. В нем звучала даже благочестивая нота: все мы рабы Божьи, а значит, и холопы государя, власть которого от Бога! В том не было унижения достоинства, но формулой “Яз, холоп твой”, тем не менее, фиксировалась история становления в средневековой Руси особого типа взаимоотношений верховной власти и подданных, влиявшего на умонастроение людей и их ценностную ориентацию. Холопами были все, кто не входил в великокняжескую семью»³⁴.

Видимо, именно такое — сугубо положительное — восприятие даже крайних форм личной зависимости от князя и послужило основанием для создания панегирика холопскому состоянию, в которое «автор» этого произведения так жаждет попасть.

Тем не менее, как говорит «сам» Даниил Заточник, «аще бы котлу золоты колца во ушью, но дну его не избыти черности и жжения его. Тако же и холопу: аще бо паче мѣры гордѣливъ былъ и буявъ, но укору ему своего не избыти — холопѣя имени»³⁵.

И в этом тоже есть своя логика.

Перед нами — гимн. Гимн холопскому состоянию. Вот оно — счастье для «средне-го» человека древней Руси.

При этом следует отметить еще одну характерную черту восприятия свободы/несвободы в домонгольской Руси: позитивные коннотации восприятия несвободы тесно связаны со статусом лица, от которого зависит данный субъект. Чем выше социальное положение того, в чьем непосредственном подчинении находится данный человек, тем лучше. Крайняя степень несвободы — раб Божий — сугубо положительна. Крайняя же степень свободы, когда человек не зависит ни от кого, — сугубо отрицательна, поскольку тождественна *художеству*, если говорить словами Даниила Заточника. Видимо, именно поэтому полная нищета подвижников-монахов, о которой идет речь, в частности, в Киево-Печерском патерике, воспринимается исключительно позитивно. В то время как нищета мирянина, попавшего в положение изгоя, характеризуется как величайшее горе.

О том, что эта мысль была близка и дорога многим современникам и ближайшим потомкам «Заточника», свидетельствует многовековая жизнь «Слова» («Моления»!) в культуре древней Руси.

³¹ У: 66 (выделено мною. — И.Д.).

³² Колесницкий Н.Ф. К вопросу о германском министерялитете X-XII вв. // Средние века. М., 1961. Вып. 20. С. 42 [примечание В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганова].

³³ С. 54-55.

³⁴ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 216.

³⁵ Ч: 37.

Длительное и, видимо, достаточно широкое хождение «в народе» «Моления» («Слова») Даниила дает достаточные основания, с одной стороны, для распространения полученных выводов на весь период бытования текста, с другой, — позволяет вносить временные коррективы на основании изменений исходного текста.

Таким образом, представления о свободе в домонгольской Руси отличаются значительным своеобразием. В отличие от современных представлений, в то время именно несвобода воспринималась как благо, с позитивными коннотациями, в то время как свободное состояние характеризовалось, скорее, отрицательными ассоциациями.

THE PERCEPTION OF FREEDOM IN PRE-MONGOL RUS'

I.N. DANILEVSKIY

*Higher School of Economics,
Moscow*

e-mail: viddanin@mail.ru

Modern – especially positive – perception of the concept *svoboda* (freedom) was created relatively recently. Negative connotations in it residual still were clearly traced even at the beginning of the XX century. The appeal to the pre-mongol Rus' sources confirms such impression. The person exempted from external coercion, in Old Rus' was considered more likely as the person unfortunate. And on the contrary, a situation, when the person becomes a *kholop* (in essence, a slave), is considered as especially positive. Thus positive connotations of the perception of dependence are closely connected with the status of the person on which he was dependent: the more social status of this person was higher, the more it was better. Extreme degree of dependence – the Christian – was especially positive. The free condition was characterized more likely by negative associations.

Keywords: freedom, dependence, independence, perception, misfortune, good fortune, Old Rus'.